

В. А. Томсинов

Императрица

Екатерина II

(1729—1796)

Опубликовано в издании:

Томсинов В. А.

Российские правоведы XVIII—XX веков:

Очерки жизни и творчества. В 2-х томах.

М.: Зерцало, 2007. Том 1. С. 63–89

Императрица Екатерина II

(1729—1796)

РАССКАЗЫВАЯ о российских правоведах второй половины XVIII века, невозможно умолчать об императрице Екатерине II. Она должна быть причисленной к их плеяде уже как автор знаменитого «Наказа, данного Комиссии о сочинении проекта нового уложения». Изданное в 1767—1780 годах не только на русском¹, но и на латинском², немецком³, французском⁴,

¹ Наказ Комиссии о составлении проекта нового уложения [СПб]: Печатан при Сенате, [1767]; Наказ, данный Комиссии о сочинении проекта нового уложения [СПб]: Печатан при Сенате, [1768].

² *Instructio Coetui ad condendam ideam noui legum Codicis conuocato, plenaque ad id donato potestate // Наказ Ея Императорского Величества Самодержицы Всероссийския, данный Комиссии о сочинении проекта нового уложения. В Санкт-петербурге при Императорской Академии наук. 1770 года. В этом издании текст Наказа напечатан параллельными колонками одновременно на русском, латинском, немецком и французском языках.*

³ Ея Императорскаго Величества Наказ Комиссии о сочинении проекта нового уложения. Ihrer Kaiserlichen Majestät Instruction für die zu Verfertigung des Entwurfs zu einem neuen Gesetz-Buche verordnete Commission. Moscau: In der Kaiserlichen Universitäts-Buchdruckerey, 1767 (параллельные тексты на русском и немецком языках); Katharina der Zweiten Kaiserin und Gesetsgeberin von Russland Instruction für die zu Verfertigung des Entwurfs zu einem neuen Gesetsbuche verordnete Commission. Riga und Mietau, 1768; Katharina der Zweiten Kaiserin und Gesetsgeberin von Russland Instruction für die zu Verfertigung des Entwurfs zu einem neuen Gesetsbuche verordnete Commission // Haigold I. Neuverandertes Russland. Riga und Mietau, 1769. S. 247—510; Ihrer Kayserlichen Majestät Instruction für die zu Verfertigung des Entwurfs zu einem neuen Gesetsbuche verordnete Commission. Frankfurt und Leipzig, 1769.

⁴ *Instructions adressées par Sa Majesté l'Imperatrice de toutes les Russies, a la Commission établie pour travailler a l'exécution du projet d'un nouveau code de loix. Traduit de l'allemand. Yverdon, M.DCC.LXIX (1769); Instructions donnée par Catherine II Impératrice et Législatrice de toutes les Russies, a la commission établie... pour travailler a la rédaction d'un nouveau Code de Loix. Traduite en François. Nouvelle édition, augmentée. Lausanne, 1769.*

итальянском¹, английском², греческом³, голландском⁴ и польском языках⁵, это произведение приобрело общеевропейскую известность. Его содержание показывает, что Екатерина II не стояла в стороне от процессов, происходивших во второй половине XVIII века в духовной сфере европейского общества. Она была не только императрицей, но и мыслителем, и писателем. В ней воплотился характерный для русского общества того времени тип не только властителя, но и культурного деятеля.

Жизнь Екатерины II описана во множестве книг. Статьи о ней присутствуют почти в любой гуманитарной энциклопедии. Это избавляет меня от необходимости представлять в данном очерке полную биографию императрицы и позволяет ограничиться несколькими замечаниями на тему ее жизни.

София-Фредерика-Амалия-Августа, принцесса Ангальт-Цербстская, ставшая в России Екатериной Алексеевной, родилась 21 ап-

¹ Instruzione emanate da Caterina Seconda, Imperatrice e legislatrice di tutta la Russia stante la commissione stabilita da questa sovrana per la riduzione di un nuovo codice delle leggi tal quale è stata impressa in Russia, e in Alemagna, e in Francia. Tradotta nuovamente dal Francese in lingua Toscana. Firenze, 1769; Instruzion di S. M. C. Caterina II I. d. R. alla deputazione... Pisa, 1769.

² The Grand Instructions to the commissioners appointed to frame a new code of laws for the Russian Empire: composed by Her Imperial Majesty Catherine II, Empress of all the Russias; to which is prefixed a description of the manner of opening the commission with the order and rule for electing the commissioners, translated from the original in the Russian language by Michael Tatischeff and published by permission. London, M.DCC.LXVIII (1768). Профессор Пенсильванского государственного университета У. Э. Батлер сообщил мне, что существует еще один перевод екатерининского Наказа на английский язык: он был осуществлен в 1767 г. Его рукопись, приобретенную библиотекой Конгресса США в 1942 г. из коллекции выдающегося библиофила сэра Томаса Филлипса (*Sir Thomas Phillipps*, 1792—1872), идентифицировал сотрудник этой библиотеки Роберт Аллен (Robert V. Allen). В ней отсутствуют переводы написанных к началу 1768 г. 21-й и 22-й глав Наказа. Кто выполнил перевод, неизвестно, но, по мнению, профессора Батлера, им был скорее всего лорд Макартни, являвшийся до лета 1767 г. послом Англии в России.

³ Eisēgēsis tēs Autokratorikēs Megaleiōtēs Aikaterinas 2. pros tēn epitachthesian epitropian epi te ekthesei tou provlēmatos henos nearou nomikou kōdikos, metafrazeisa eis tiō koiniō niō Ellēnōn dialektōn hupo ierodiakono Eugeniou Voulgareōs (Наказ Ея Императорскаго Величества Екатерины II учрежденной Комиссии о составлении проекта новаго уложения, переведенный на общий нынешний Греческий язык иеродиаконом Евгением Вулгаром). СПб.: в типографии Академии наук, 1771.

⁴ Instruction gegeven door Katharina de II. Dienende tot eene handling van de kommissie... Amsterdam, 1769.

⁵ Ordynacya S. Y. N. Katarzyny II, I. C. R. dana w roku komissyi zebraney... Warsaw, 1780.

реля 1729 года в г. Штетине (Померания) в семье Христиана-Августа, принца Ангальт-Цербстского, который был в то время комендантом Прусского короля и командиром пехотного полка. Ее мать — Иоанна-Елизавета — была принцессой Шлезвиг-Голштинской. Первые четырнадцать лет будущая российская императрица прожила в Германии. В 1744 году она прибыла в Россию и 21 августа 1745 года была обвенчана с наследником российского императорского престола великим князем Петром Федоровичем.

Двоюродный брат Иоанны-Елизаветы Карл-Фридрих, герцог Голштинский, племянник Карла XII, был женат на старшей дочери Петра I Анне и являлся отцом Петра Федоровича. Таким образом, Екатерина Алексеевна приходилась своему супругу троюродной сестрой. Родной брат ее матери Карл, епископ Любский в 1726 году был помолвлен с цесаревной Елизаветой, но до свадьбы умер. Если бы этому браку суждено было состояться, его племянница София-Фредерика-Амалия стала бы родственницей Елизавете Петровне. Правда, вряд ли дочь Петра I взшла бы тогда на российский императорский престол. А если бы этого на самом деле не случилось, то вряд ли и София-Фредерика-Амалия имела в России то блестящее будущее, которое ей в действительности выпало.

В феврале 1778 года Екатерине Алексеевне предстояло в течение двух недель посетить одиннадцать балов-маскарадов, да еще несколько торжественных обедов и ужинов. Ее величество написала об этом барону Фридриху Гримму¹, с которым состояла в постоянной переписке, заметив в шутку: «Опасаясь умереть, я заказала вчера свою эпитафию; я сказала, чтоб торопились, так как хочу иметь удовольствие самой исправить ее; в ожидании, я, для забавы, сама начала составлять свою эпитафию»². Начертанная веселонравной императрицей шутовская эпитафия имела следующий вид: «Здесь лежит Екатерина Вторая, родившаяся в Штеттине 21 апреля 1729 года. В 1744 году она прибыла в Россию, чтоб выйти замуж за Петра III. Будучи 14 лет, она составила себе тройной про-

¹ Гримм Фридрих Мельхиор (*Grimm Friedrich Melchior*, 1723—1807), немецкий публицист и дипломат. С 1774 г. и до самой смерти Екатерины II в 1796 г. вел с ней переписку, выполнял различные дипломатические поручения, был ее комиссионером государыни при покупке произведений искусства. Письма Екатерины к барону Гримму — уникальный материал для понимания ее мировоззрения.

² Сборник Императорского Русского исторического общества (далее: ИРИО). Том 23. СПб., 1878. С. 77.

ект — понравиться мужу, Елизавете и нации. Она ничего не упустила, чтоб иметь успех. Восемнадцать лет скуки и уединения доставили ей возможность прочесть много книг. Достигнув трона, она стремилась к добру и старалась доставить своим подданным счастье, свободу и достаток. Она охотно всем прощала и никого не ненавидела; снисходительная, с которой легко жилось, веселая по природе, республиканской души и доброго сердца, она имела друзей; труд был ей легок; общество и искусство ей нравились».

* * *

Императрица Екатерина II — одно из самых любопытных явлений русской истории XVIII века. Взойдя на царский трон незаконно, в результате государственного переворота, она своей государственной деятельностью, направленной на служение интересам России, сумела внушить современникам, что заняла это высокое место вполне по праву, что титул российской императрицы именно для нее и был предназначен.

Немка по происхождению, она сумела стать в России более русской, чем многие из русских. «Я тысячу раз говорила вам, что я годна только для России»¹, — писала Екатерина в одном из своих писем к барону Ф. М. Гримму. Какого-то иностранного принца, состоявшего на службе в России около года, она с полной серьезностью строго спросила: «Вы, надеюсь, уже стали русским?»

Окружив себя целой плеядой талантливых государственных деятелей, она как личность не поблекла в этом окружении и оставалась на протяжении всего своего царствования самой яркой звездой в сфере русской политики. Талантливейшего из своих сановников — светлейшего князя Григория Александровича Потемкина-Таврического — Екатерина II сделала фактически своим соправителем, отдав ему в полномочное распоряжение все государственные дела, касавшиеся южной части Российской империи².

¹ Письма Екатерины Второй к барону Гримму // Русский архив. 1878. Кн. 3. № 9. С. 37.

² Екатерина II неоднократно признавалась в том, что считает Потемкина умнее себя. В связи с этим любопытно, что Григорий Александрович стал единственным фаворитом императрицы, с которым она осмелилась связать себя брачными узами, пусть и тайными. На факт существования этих священных уз между Потемкиным и Екатериной с июня 1774 г. недвусмысленно указывает содержание личной их переписки. «Гришенок бесценный, беспримерный и милейший в свете, я тебя чрезвычайно и без памяти люблю, друг милой, цалую и обнимаю душою и

По мнению В. О. Ключевского, государственная деятельность Екатерины способствовала значительному материальному прогрессу Русского государства: его население почти удвоилось за 34 года ее царствования, сумма государственных доходов выросла более чем в четыре раза. Однако, приводя эти факты, историк отмечал, что правление этой императрицы имело и ряд негативных последствий. Ее политика привела к усилению этнической и классовой розни в Российской империи¹. В среде русского дворянства, на котором лежало основное бремя управления страной, в екатерининскую эпоху получили широкое распространение абстрактные догматы западноевропейской просветительской философии. В результате типичный русский дворянин превратился к концу XVIII в. в странное явление — «усвоенные им манеры, привычки, понятия, чувства, самый язык, на котором он мыслил, — все было чужое, все привозное, а дома у него не было никаких живых органических связей с окружающими, никакого серьезного дела... Таким образом, живые насущные интересы не привязывали его к действительности; чужой между своими, он старался стать своим между чужими и, разумеется, не стал: на Западе, за границей, в нем видели переодетого татарина, а в России на него смотрели, [как] на случайно родившегося в России француза»².

Ее торжественно величали «законодательницей», и она действительно была законодательницей. И не только в силу своего императорского титула. Екатерина II являлась не фиктивно, но фактически автором многих законов, исходивших от ее величества. Особенно часто ей приходилось писать тексты указов в течение первых двух лет своего правления. А в 1775 году она собственноручно начертала такое обширное законодательное установление, как «Учреждения для управления губерний Всероссийския империи»³. 29 ноября 1775 года Екатерина сообщала в письме к барону Гримму:

телом, му[ж] доро[гой]», — писала Екатерина Потемкину летом указанного года. Весной 1776 г. императрица слала своему тайному супругу следующую записку: «Mon mari m'a dit tantôt (Мой муж сказал мне только что): «Куды мне идти, куды мне деваться? Mon cher et bien aimé Eroux, venés chez moi, Vous serés reçu a bras ouverts (мой дорогой и горячо любимый супруг, придите ко мне: вы будете встречены с распростертыми объятиями)». (Екатерина II и Г. А. Потемкин: личная переписка. 1769—1791. М., 1997. С. 31, 94).

¹ См.: Ключевский В. О. Сочинения в девяти томах. Т. 5. М., 1989. С. 163.

² Там же. С. 167.

³ См.: Законодательство Екатерины II. В 2-х томах. Т. 1. М., 2000. С. 380—469.

«Я ужасно много исписала бумаги. Последние мои учреждения от 7-го ноября заключают 250 печатных страниц, в четвертую долю листа, но зато, клянусь вам, это мое лучшее произведение, и в сравнении с этим трудом Наказ мой представляется мне в сию минуту не более как пустой болтовней»¹.

Екатерина II имела намерение издать законы конституционного характера, закрепляющие основополагающие принципы существовавшего в России самодержавного правления. Тексты таких законов она предполагала писать собственной рукой. Первым среди них должен был стать, по ее мысли, манифест о престолонаследии. И Екатерина II пыталась самолично начертать его проект. Об этом свидетельствует сохранившийся отрывок этого установления:

«Божиею милостию, мы, Екатерина Вторая, императрица и самодержица всероссийская и пр., и пр., и пр. Чудный промысл о нас Всевышняго, который вручил нам самодержавство сей империи образом человеческого предведением непостижимым, заставляет нас нередко помышлять о исполнении бремени на нас Творцом всея твари наложеннаго. Испытав сердце наше, нашли мы во глубине онаго твердое и всегдашнее желание исполнять первую статью Наказа, даннаго нами комиссии о составлении проекта новаго уложения. Сия статья гласит тако: закон христианский научает нас взаимно делать друг другу добро, сколько возможно. Из сего правила выходить должны все части законодательства нашего, которому мы с 1766 года благополучное начало положили открытием комиссии об уложении; но первый и начальный закон сего самодержавнаго владычества должен, по существу своему, дан и начертан императорскою нашею рукою, то есть неколебленность престола и твердость в наследии онаго. Не токмо российския летописи и истории, но и всех прочих в свете государств книгохранительницы наполнены великих всенародных бедствий, кои происходили от колебленности престола и наследства даже до того, что государства были от того подвержены разделению на части и, наконец, самому варварскому нашествию и игу и совершенному истреблению. Таковой пример живее прочих представляет нам Греческая восточная империя, которой бедствия церковь наша, по единоверию нашему, и ныне оплакивает. Описав причины предпринимаемаго нами узаконения, приступим ныне наискорее к твердому онаго положению и для того

¹ Русский архив. 1878. Кн. 3. № 9. С. 25.

повелеваем, узаконяем и хотим самодержавною нашею властью следующей статьи:

1) Называть сей закон императорскою статьею Екатерины Второй.

2) Императорской престол не может быть порожен.

3) По смерти моей, сын мой наследует.

4) По сыне моем, если старшему сыну его двадцать один год миновало, то сей старший сын наследует; если же он менее двадцати лет с годом, то короновать мать его, пока да царствует во всю жизнь ея; ибо от малолетства самодержца империи бы было опасно.

5) Если бы мужеское колено пресекольсь, то старшая дочь»¹.

* * *

Именно стремление императрицы Екатерины установить основополагающие принципы для российского самодержавного правления и всего действовавшего в России законодательства вызвало к жизни **«Наказ, данный комиссии о сочинении проекта нового уложения»**. Появление этого документа сама она описывала следующим образом: «В первые три года царствования моего, усматривая из прошений, мне подаваемых, из сенатских и разных коллегий дел, из сенаторских рассуждений и прочих многих людей разговоров не единообразные, ни об единой вещи установленные правила, законы же по временам сделанные, соответствующие сему умов расположению, многим казались законами противуречащими; и требовали и желали, дабы законодательство было приведено в лучший порядок. Из сего, у себя на уме и вывела заключение, что образ мыслей вообще, да и самой гражданской закон не может получить поправления инако, как установлением полезных для всех в империи живущих и для всех вещей вообще правил, мною писанных и утвержденных. И для того я начала читать и потом писать Наказ Комиссии Уложению, и читала я и писала два года, не говоря ни слова полтора года, последуя единственно уму и сердцу своему, с ревностнейшим желанием пользы, чести и щастия, [и с желанием] довести империю до вышней степени благополучия всякого рода, людей и вещей, вообще всех и каждого особенно»².

¹ Отрывок собственноручного чернового проекта манифеста Екатерины II о престолонаследии // Русская старина. 1875. Т. 12. № 2. С. 384—385.

² Записки императрицы Екатерины Второй. Перевод с подлинника, изданного Императорской Академией наук. СПб., 1907. С. 544.

Екатерина начала работу над текстом «Наказа» в январе 1765 года. 30 июля 1767 года он был опубликован. Документ состоял из 526 статей, распределенных по 20-ти главам. В первые месяцы 1768 года к ним были добавлены 21-я и 22-я главы. Материал для своего произведения российская императрица брала в сочинениях французских философов Ш. Монтескье и Ф. Кене, итальянского мыслителя Ч. Беккариа, немецких мыслителей баронов Бильфельда и Й. Х. Готтлоба фон Юсти, русского правоведа С. Е. Десницкого.

Наиболее масштабное заимствование было сделано из трактата Монтескье «О духе законов» — 294 статьи «Наказа» были составлены на материале данного труда. Екатерина II сама признавалась (в письме к философу Д'Аламберу) в том, что при написании своего трактата «обобрала» Монтескье на пользу своей империи¹.

Сопоставление содержания «Наказа» с текстом произведения «О духе законов» показывает, что Екатерина II заимствовала у Монтескье отдельные фразы, определения, идеи, но не доктрину монархической власти. Французский философ описывал природу монархического правления (гл. 4 кн. II трактата «О духе законов»), имея в виду сословно-представительную монархию. В его представлении настоящая монархия — это правление одного лица «посредством основных законов», необходимо предполагающих существование «посредствующих каналов, по которым движется власть». Эти каналы составляют, по мнению Монтескье, сословия духовенства, дворянства, горожан. Они выступают в качестве не только проводников власти монарха, но и сил, ограничивающих ее. «Уничтожьте в монархии прерогативы сенъоров, духовенства, дворянства и городов, и вы скоро получите в результате государство либо народное, либо деспотическое», — утверждал Монтескье.

Екатерина II повторила в своем «Наказе» изречение французского мыслителя об основных законах, предполагающих каналы или протоки, по которым протекает власть, но при этом добавила к нему два слова. «Законы, основание державы составляющие, предполагают малые протоки, *сиречь правительства*, чрез которые изливают-

¹ В своих записках Екатерина отметила, что «напала на “Дух законов” Монтескье» зимой 1754 г. После рождения великого князя Павла будущая российская императрица оказалась предоставленной сама себе. Это свободное время она использовала для чтения различных исторических и философских книг (Вольтера, Барониуса, Тацита, Монтескье и др.). См.: Записки императрицы Екатерины Второй. СПб., 1907. С. 366.

ся власть Государева» (ст. 20)¹ (курсив мой. — В. Т.). Добавлением слов «сиречь правительства» Екатерина II существенно изменила конструкцию монархической власти, представленную Монтескье. Посредствующими для власти монарха каналами или протоками в «Наказе» названы были «правительства», то есть административные учреждения. Монархическая власть предстала в произведении российской императрицы имеющей свое продолжение не в сословиях, а в бюрократии. Именно такая монархия существовала на практике в России. Административная реформа Петра I и такие его акты, как «Табель о рангах» и «Духовный регламент», создали фундамент бюрократической монархии в России, в которой сословия дворянства и духовенства теряли свой прежний характер и фактически выступали в качестве составных частей бюрократии. В своем «Наказе» Екатерина II завершала юридическое и идеологическое оформление этой бюрократической монархии.

В конструкции монархической власти, представленной в трактате Монтескье, ограничением данной власти и соответственно гарантией от превращения ее в деспотическую служили prerogatives сословий. В доктрине самодержавной власти, развитой в «Наказе» Екатерины II, ограничением этой власти мыслились пределы, установленные ею самой. Об этом прямо говорилось в статье 512 названного документа: «Правда, есть случаи, где власть должна и может действовать безо всякой опасности для государства в полном своем течении. Но есть случаи и такие, где она должна действовать *пределами*, себе ею ж самую положенными»².

Главным среди таких ограничительных «пределов» являлась, в представлении Екатерины II, цель, к которой обязывался стремиться при осуществлении своей власти самодержец. «Какой предлог самодержавного правления? — вопрошает императрица в ст. 13 «Наказа» и отвечает: «Не тот, чтоб у людей отнять естественную их вольность, но чтобы действия их направить к получению самого большого ото всех добра». «Самодержавных правлений намерение и конец есть слава граждан, государства и Государя», — заявляет она в ст. 15 рассматриваемого произведения.

¹ Наказ Ея Императорского Величества Самодержицы Всероссийския, данный Комиссии о сочинении проекта новаго уложения. В Санктпетербурге при Императорской Академии наук. 1770 года. С. 12.

² Там же. С. 332.

Самодержавная власть ограничивалась в «Наказе» также тем, что самодержец устранялся от непосредственного управления всеми государственными делами. По мнению Екатерины II, он должен был воздержаться и от того, чтобы судить, «по чему и надлежит ему имети других особ, которые бы судили по законам» (ст. 149)¹. «Существо правления» составляют, согласно «Наказу», «власти средние, подчиненные, и зависящие от верховной» (ст. 18). Государь же объявлялся здесь по своей сущности *источником* «всякой государственной и гражданской власти» (ст. 19)². Ему прилично, по смыслу статьи 510 «Наказа», довольствоваться только «главным надзиранием» за деятельностью правительственных органов.

«Наказ» предусматривал, что самодержавная власть осуществляется преимущественно путем издания на основе «благоизволения» государя общих законов. Однако и в законотворчестве «Наказ» налагал на самодержца определенные ограничения. «Надобно иметь хранилище законов»³, — провозглашала Екатерина в статье 22 «Наказа». Это учреждение могло пребывать, по ее мнению, только при «государственных правительствах». В задачу «хранилища законов» императрица вменяла наблюдение за тем, чтобы «воля Государева» находилась в соответствии «с законами во основание положенными и с государственным установлением» (ст. 28)⁴. Это предписание «Наказа» означало, что самодержец обязан был в своем законотворчестве согласовывать издаваемые законодательные акты с ранее изданными основополагающими законами. Екатерина II выражала надежду, что подобные правила «возбранят народу презирать указы Государевы, не опасаяся за то никакого наказания, но купно и охранят его от желаний самопроизвольных и от непреклонных прихотей» (ст. 29)⁵.

Принцип законности выступал в «Наказе» в качестве важнейшего свойства представленной в нем конструкции самодержавной власти. Такие общественные явления, как равенство, вольность, безопасность граждан и т. п., увязывались Екатериной II с соблюдением законов. При этом, однако, принцип законности не сочетался в «Наказе» с признанием субъективных прав граждан. Законы

¹ Наказ Ея Императорского Величества Самодержицы Всероссийския, данный Комиссии о сочинении проекта новаго уложения. С. 90.

² Там же. С. 12.

³ Там же. С. 14.

⁴ Там же. С. 16.

⁵ Там же. С. 16, 18.

выступали здесь в качестве инструмента обеспечения исключительно *государственных* или *общественных* интересов.

Так, гражданские законы представлялись в «Наказе» лучшим средством исправления пороков, воспитания граждан. «Книга добрых законов не что иное есть, как недопущение до вредного своевольства причинять зло себе подобным»¹, — говорилось в статье 246 этого документа. Глубинный, философский смысл законности как общественного явления императрица Екатерина видела в поддержании такого общественного порядка, при котором обуздываются дурные свойства людской природы и поощряются добрые людские качества.

Одним из главных средств предупреждения преступлений она считала распространение просвещения (ст. 245) и поощрение людской доброты. «Еще можно предупредить преступление награждением добродетели», — заявляла Екатерина в статье 247 «Наказа».

Екатерина II отождествляла власть государя-законодателя с властью отца, заботящегося о своих детях. В законах, подчеркивала она, «содержится не наука, предписывающая правила человеческому уму, но простое и правое разсуждение отца о *чадах* и домашних своих пекушагося» (ст. 452)².

Подобные представления о роли закона вполне соответствовали идеологии «просвещенного абсолютизма». Не противоречила данной идеологии и выраженная в «Наказе» идея божественного происхождения самодержавной власти. Признанием титула государя «Богом данным званием» (ст. 625) Екатерина II подтверждала свои сентенции о том, что главное назначение самодержавной власти заключается в содействии благополучию подданных, получению ими «самого большого ото всех добра». «Закон Христианский научает нас взаимно делати друг другу добро, сколько возможно»³, — говорилось в статье 1 «Наказа». Принимая верховную власть от Бога, самодержец обязывался тем самым строго соблюдать этот «Закон».

Заявляя о необходимости бороться с правонарушениями посредством воспитания и поощрения доброты в людях, Екатерина II вместе с тем декларировала и применение с этой целью различных наказаний. При этом она не считала смертную казнь эффективным средством предупреждения преступлений. «Смерть злодея слабее

¹ Наказ Ея Императорского Величества Самодержицы Всероссийския, данный Комиссии о сочинении проекта новаго уложения. С. 174.

² Там же. С. 294.

³ Там же. С. 2.

может воздержаться беззакония, нежели долговременный пример человека, лишенного своей свободы для того, чтобы наградить работою своею чрез всю его жизнь *продолжающуюся* вред им сделанный обществу»¹, — писала императрица в «Наказе» (ст. 212). По ее мнению, смертная казнь допустима только в одном случае, а именно: когда преступник, будучи лишен свободы, «имеет еще способ и силу, могущую возмутить народное спокойство» (ст. 210)². Подобный случай, указывала Екатерина II, имеет место лишь тогда, когда народ теряет или возвращает свою свободу, то есть во время безвластия, «когда самые беспорядки заступают место законов». «А при спокойном царствовании законов, — продолжала она, — и под образом правления соединенными всего народа желаниями утвержденным, в государстве противу внешних неприятелей защищенном и внутри поддерживаемом крепкими подпорами, то есть силою своею и вкоренившимся мнением во гражданах, где вся власть в руках Самодержца, в таком государстве не может в том быть никакой нужды, чтоб отнимати жизнь у гражданина. Двадцать лет государствования Императрицы ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ подают отцам народов пример к подражанию изящнейший, нежели самые блистательные завоевания» (ст. 210)³. Итоговый же вывод Екатерины II из ее высказываний о смертной казни гласил: «Самое надежнейшее обуздание от преступлений есть не строгость наказания, но когда люди подлинно знают, что преступающий законы непременно будет наказан» (ст. 222)⁴.

Приведенные идеи о бессмысленности применения смертной казни в качестве средства борьбы против беззакония и даже некоторые выражения указанных идей Екатерина II позаимствовала из произведения Ч. Беккариа «О преступлениях и наказаниях»⁵. Правда, она внесла в них ряд существенных поправок. Одна из них довольно любопытна.

¹ Наказ Ея Императорского Величества Самодержицы Всероссийския, данный Комиссии о сочинении проекта новаго уложения. С. 148, 150.

² Там же. С. 146.

³ Там же. С. 148.

⁴ Там же. С. 156.

⁵ Чезаре Беккариа (1738—1794), итальянский правовед. Книга «О преступлениях и наказаниях» впервые вышла в свет на итальянском языке в г. Ливорно летом 1764 г. В конце 1765 г. она была издана в Париже в переводе на французский язык. На русском языке данная книга появилась только в 1803 г. (См.: Беккариа. Рассуждение о преступлениях и наказаниях. Переведено с итальянского языка на французский Андреем Мореллетом, и с оного на Российской, Дмитрием Языко-

Ч. Беккариа допускал смертную казнь в *двух* случаях — во-первых, когда преступник, даже лишенный свободы, обладает «такими связями и таким могуществом, что это угрожает безопасности нации и его существование может вызвать переворот, опасный для установленного образа правления»¹; и во-вторых, когда смертная казнь преступника «будет действительным и единственным средством удержать других от совершения преступления»². В этом последнем случае смертная казнь, по мнению Беккариа, «может считаться справедливой и необходимой».

Российская императрица полагала смертную казнь дозволенной, как было отмечено, только в одном случае — в первом из названных итальянским правоведом. То есть в отрицании этого жестокого наказания Екатерина II шла дальше Ч. Беккариа.

В представлении Екатерины II законность предполагала состояние защищенности человека от произвола других людей. Именно такой взгляд на законность императрица выражала в статье 153 своего «Наказа». «Нет ничего опаснее, — отмечала она, — как общее сие изречение: *надлежит в разсуждение брать смысл или разум закона, а не слова*. Сие не что иное значит, как сломити преграду противящуюся стремительному людских мнений течению... Всякий человек имеет свой собственный ото всех отличный способ смотреть на вещи его мыслям представляющиеся. Мы бы увидели судьбу гражданина прменяемую переносом дела его из одного правительства во другое, и жизнь его и вольность на удачу зависящую от ложного какого рассуждения или от дурного расположения его судии. Мы бы увидели те же преступления наказуемые различно в разные времена тем же правительством, если захотят слушаться не гласа непрменяемого законов неподвижных; но обманчивого непостоянства самопроизвольных толкований»³.

вым. С присовокуплением примечаний Дидерота и переписки сочинителя с Моллетом. Печатано по Высочайшему Его Императорского Величества повелению. В Санктпетербурге, при губернском правлении. 1803). В начале 1767 г., в разгар своей работы над «Наказом», императрица Екатерина II предлагала Ч. Беккариа приехать в Россию на постоянное местожительство, но итальянский правовед после некоторых размышлений и советов с друзьями отказался принять это лестное для него предложение.

¹ Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях / Биографический очерк и перевод проф. М. М. Исаева. М., 1939. С. 316.

² Там же. С. 317.

³ Наказ Ея Императорского Величества Самодержицы Всероссийския, данный Комиссии о сочинении проекта новаго уложения. С. 92, 94.

Приведенную мысль Екатерина так же, как и многие другие идеи своего «Наказа», заимствовала у Цезаре Беккариа¹. Но тот факт, что российская императрица включила эти идеи в документ, призванный служить руководством для комиссии по составлению нового уложения, свидетельствует, что она полностью соглашалась с ними.

Екатерина II составляла «Наказ» прежде всего для Комиссии, предназначенной сочинить новое уложение. В связи с этим она включила в его текст целый ряд практических рекомендаций относительно того, как писать законы. Вот некоторые наиболее примечательные из них.

Статья 448 — «Всякий закон должен написан быть словами вразумительными для всех, и при том очень коротко; чего ради, без сомнения, надлежит, где нужда потребует, прибавить изъяснения или толкования для судящих, чтоб могли легко видеть и понимать как силу, так и употребление закона»².

Статья 452 — «Законы не должны быть тонкостями, от остроумия происходящими наполнены: они сделаны для людей посредственного разума, равномерным образом как и для остроумных»³.

Статья 453 — «Надлежит, чтобы в законах видно было везде чистосердечие: они даются для наказания пороков и злоухищрений; и так надобно им самим заключать в себе великую добродетель и незлобие»⁴.

Статья 454 — «Слог законов должен быть краток, прост; выражение прямое всегда лучше можно разуметь, нежели околичное выражение»⁵.

Статья 455 — «Когда слог законов надут и высопарен, то они иначе не почитаются, как только сочинением, изъясляющим высокомерие и гордость»⁶.

Статья 458 — «Законы делаются для всех людей, все люди должны по оным поступать, следовательно, надобно, чтобы все люди оные и разуметь могли»⁷.

¹ См.: Беккариа Ч. Указ. соч. С. 209—210.

² Наказ Ея Императорского Величества Самодержицы Всероссийския, данный Комиссии о сочинении проекта новаго уложения. С. 290, 292.

³ Там же. С. 294.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 294, 296.

⁷ Там же. С. 296, 298.

Статья 459 — «Надлежит убежать выражений витиеватых, гордых или пышных, и не прибавлять в составлении закона ни одного слова лишнего, чтоб легко можно было понять вещь законом устанавливаемую»¹.

Статья 460 — «Так же надобно беречься, чтобы между законами не были такие, которые не достигают до намеренного конца; которые избыточны словами, а недостаточны смыслом; которые по внутреннему своему содержанию маловажны, а по наружному слогу надменны»².

Приведенные статьи «Наказа», посвященные технике законодательства, Екатерина II в значительной мере заимствовала из произведения Шарля Монтескье «О духе законов». Так, статья 452 имеет своим источником следующее высказывание французского философа: «Законы не должны вдаваться в тонкости; они предназначаются для людей посредственных и содержат в себе не искусство логики, а здравые понятия простого отца семейства»³. Вместе с тем императрица обобщила в указанных статьях «Наказа» опыт законодательства своих предшественников на царском троне. Давая рецепты написания законов, она ссылаясь на памятники русского права (Воинский артикул Петра I, Уложение царя Алексея Михайловича), указывала на способ изложения их правовых норм как на образец, которому надлежит следовать составителям законов. «Слог Уложения блаженные памяти Царя *Алексея Михайловича*, — отмечала императрица, — по большей части ясен, прост и краток; с удовольствием слушаешь, где бывают из оного выписи; никто не ошибется в разумении того, что слышит; слова в нем вняты и самому посредственному уму» (ст. 457)⁴. Во второй половине XVIII века юридическое образование и научная юриспруденция в России только зарождались⁵. Знание законов, навыки обращения с ними приобретались российскими законооведами, как правило, непосредственно из практики их применения. Какие-либо учебники, даю-

¹ Наказ Ея Императорского Величества Самодержицы Всероссийския, данный Комиссии о сочинении проекта новаго уложения. С. 298.

² Там же.

³ *Монтескье Ш.* О духе законов. М., 1999. С. 501.

⁴ Там же. С. 296.

⁵ См.: *Томсинов В. А.* Развитие русской юриспруденции во второй половине XVIII века // Законодательство. 2006. Статья первая. № 8. С. 83—89. Статья вторая. № 9. С. 86—91. Статья третья. № 10. С. 85—90. Статья четвертая. № 11. С. 86—91. Статья пятая. № 12. С. 76—81.

шие знания в области российской юриспруденции, разъясняющие смысл тех или иных институтов российского права, обучающие правилам составления и применения законов, отсутствовали. Те, кто желал получить теоретические знания о праве, вынуждены были поэтому обращаться к трудам западноевропейских правоведов.

Императрица Екатерина штудировала «Комментарии к законам Англии» Уильяма Блэкстоуна¹. «Блакстон не присылал мне своих записок, — писала она 4 августа 1776 года в письме к барону Гримму, — а между тем он один уже два года имеет честь быть читаем ее величеством, и его записки со мною неразлучны. Это неистощимый доставитель предметов и мыслей»². По распоряжению ее величества русский правовед, профессор Московского университета С. Е. Десницкий, обучавшийся юриспруденции в университете г. Глазго и знакомый с терминологией английского права, перевел произведение У. Блэкстоуна на русский язык. В 1780 году этот перевод был напечатан в Москве, в университетской типографии, под названием «Истолкования аглинских законов г. Блакстона, переведенныя по всевысочайшему повелению великой законодательницы всероссийской с подлинника аглинского».

Восхищаясь произведением английского правоведа, Екатерина вполне сознавала, что описанные им правовые институты неприменимы в условиях России. «Я ничего не делаю из того, что имеется в его книге; но это мои нитки, которые я разматываю по своему»³, — заявляла она.

Подобным образом российская императрица смотрела и на правовые идеи французских мыслителей. В 1774 году она говорила в беседе с гостившим у нее Д. Дидро: «Я вполне понимаю ваши великие начала: только с ними хорошо писать книги, но плохо действовать. Вы имеете дело с бумагой, которая все терпит, а я, бедная императрица, имею дело с людьми, которые почувствительнее и пощекотливее бумаги».

В течение 1765—1766 годов, во время своей работы над Наказом комиссии о сочинении проекта нового уложения, Екатерина II получила огромное количество различных поучений от немецких про-

¹ Блэкстоун Уильям (*Blackstone William*, 1723—1780), английский правовед. Первое издание его четырехтомного труда “*Commentaries on the Laws of England*” вышло в свет в 1765—1769 гг.

² Русский архив. 1878. Кн. 3. № 9. С. 31—32.

³ Там же.

фессоров-правоведов относительно составления свода законов. Ознакомившись с этими поучениями, императрица выдала следующее предписание депутатам указанной комиссии: «Нет опаснее для сочинения сей большой работы и совершения оной, как мнения полуученых людей, из числа которых не выключается профессор М., профессор Ш. и господин К. со всею немецкою полуученою братиею. Ибо сии люди, мешая тень, наведенную дурным и жестоким узаконением на характер нации, с действительным характером оной, весьма ошибаются во всех своих о нации и ее положении рассуждениях. И действительно, лучше иметь дело с незнающими, но умными людьми, нежели с такими, кои имеют косые предрассуждения, вовсе противные моим принципиям и умоначертанию нации. Итак, весьма прошу быть примечательными, дабы их предубеждения не произвели импресии, противной моим правилам»¹.

Наделенная от природы сильным практическим умом, Екатерина II стремилась в своей законотворческой деятельности более приноровляться к обстоятельствам, а не к теоретическим догматам — приспособляться к реальным, а не вымышленным людям. В этой связи особый интерес представляет разговор, состоявшийся однажды между Екатериной и статс-секретарем В. С Поповым². Желая польстить своей императрице, Василий Степанович сказал ей, что не перестает изумляться тому чрезвычайному усердию и ревности, с которыми все исполняют ее повеления и стараются угождать ей. «Это не так легко, как ты думаешь, — отвечала Екатерина, — во-первых, повеления мои не исполнялись бы с точностью, если бы не были удобны к исполнению. Ты сам знаешь, с какою осмотрительностию, с какою осторожностию поступаю я в издании моих узаконений. Я разбираю обстоятельства, изведываю мысли просвещенной части народа и по ним заключаю, какое действие указ мой произвести должен. Когда уже наперед я уверена об общем одобрении, тогда выпускаю я мое повеление и имею удовольствие видеть то, что ты называешь слепым повиновением, и вот основание власти неограниченной. Но будь уверен, что слепо не повинуются, когда приказание не принаравлено к обычаям, к

¹ Отрывки из сочинения Екатерины II // Русский архив. 1865. Стлб. 1279.

² Содержание этого своего разговора с императрицей Екатериной II Василий Степанович Попов (1745—1822), управляющий канцелярией Светлейшего Князя Г. А. Потемкина и статс-секретарь Ее Величества, описал в письме к Александру I. Данное письмо сохранилось в архиве и было опубликовано в журнале «Русский архив» в 1864 г.

мнению народному, и когда в оном я бы последовала одной своей воле, не размышляя о следствиях. Во-вторых, ты ошибаешься, когда думаешь, что вокруг меня все делается только мне угодное. Напротив того: это я, которая, принуждая себя, стараюсь угождать каждому¹, сообразно с заслугами, достоинствами, склонностями и привычками, и поверь мне, что гораздо легче делать приятное для всех, нежели чтобы все тебе угождали. Напрасно сего ожидать и будешь огорчаться; но я сего огорчения не имею, ибо не ожидаю, чтобы все без изъятия по-моему делалось»².

Это признание Екатерины II по-своему примечательно. В одной из тетрадей императрицы, в которой она записала свои мысли, касающиеся управления Россией, содержится заметка, подтверждающая подлинность переданного В. С. Поповым. «Дело, которое наиболее сопряжено с неудобством, — пишет Екатерина, — это составление какого-нибудь нового закона. Нельзя внести в это достаточно обдуманности и осторожности; единственное средство к достижению того, чтобы быть осведомленным о хорошей или дурной стороне того, что вы хотите постановить, это велеть распространить слух о том на рынке, и велеть точно известить вас о том, что говорят; но кто скажет вам, какие выйдут отсюда последствия в будущем?»³

Вслед за приведенной заметкой Екатерина записала другую не менее интересную мысль о законотворчестве: «Остерегайтесь, по возможности, издать, а потом отменить свой закон; это означает вашу нерассудительность и вашу слабость и лишает вас доверия народа, разве это будет только закон временный; в этом случае я желала бы заранее объявить его таковым и обозначить в нем, если возможно, основания и время, или, по крайней мере, обозначить в нем срок в несколько лет, по истечении которых можно было бы его возобновить или уничтожить»⁴.

¹ «Я умру от услужливости», — написала однажды Екатерина (Шутливая характеристика придворных // Записки императрицы Екатерины Второй. С. 663). В этой шутке была большая доля печальной для любого самодержца правды. Властвовать над людьми по своему произволу можно лишь при условии, если люди это позволяют.

² Из письма В. С. Попова к Александру I // Русский архив. 1864. № 4. Стлб. 447—448.

³ Мысли, замечания имп. Екатерины. Анекдоты. [Особая тетрадь] // Записки императрицы Екатерины Второй. С. 629.

⁴ Там же.

* * *

Многие из представленных в «Наказе» политических и правовых идей повторяли или предвосхищали то, что уже было выражено или выражалось впоследствии в текстах законодательных актов Российской империи. Это идея служения носителя верховной государственной власти благу и счастьем народа, идея законности, взгляд на закон как на инструмент воспитания, воплощение совести и правды и т. д.

Вступив на императорский престол, Екатерина II торжественно провозгласила свою приверженность к порядку и к законности. Сохранение правосудия она объявила в числе главных задач своего правления. При этом императрица вполне сознавала, насколько трудно будет ей обеспечить исполнение своих обещаний. Вот что писала она 20 сентября 1769 года о внутреннем состоянии Российской империи в 1762 году: «Повсюду народ приносил жалобу на лихоимство, взятки, притеснения и неправосудие розных правительств, а наипаче приказных служителей: все ветви комерции почти отданы были частным людям, на откуп, флот был в упущении, армия в разстройке, крепости развалилися»¹. Сферу же правосудия Екатерина II характеризовала следующими чертами: «1. Неисчислимое множество законов и приказов. 2. Частые изменения, какия делают в одних и тех же законах. 3. Небрежное отношение судей и судов к поддержанию законов. 4. Непринужденность, с которой скрывают от сведения общества ошибки судей и других чиновников на коронной службе»².

К этим недостаткам российской системы правосудия добавлялось другое зло, обнаруженное Екатериной II в первые годы правления, а именно: широко распространенная в России практика составления ложных императорских указов. Императрице пришлось издать по этому поводу 17 марта 1764 года специальный именной указ. В нем констатировалось, что простой народ нередко «обманываем бывал списками ложных от имени ея императорскаго величества и от Сената указов, каковые вымышляются и составляются единственно от злых людей, для приведения онаго в неизвестность и смущение». Для того чтобы истребить данное зло в самом корне и навсегда освободить народ «от всяких впредь подобных

¹ Исторические отрывки // Записки императрицы Екатерины Второй. С. 641.

² Там же. С. 643.

лжей», Екатерина повелевала Сенату обнародовать, что «отныне никакие указы и манифесты для всенародного сведения и исполнения, от имени ея императорского величества собственно или от Сената издаваемые, не должны быть признаваемы за действительные, кроме печатных»¹. Именным указом Екатерины II от 11 августа 1764 года было установлено, что печатать указы следует только в сенатской типографии.

Угрозы жестоко карать нарушителей законов, на каковые был очень щедр Петр I, Екатерина II во многом заменила призывами проявлять «человеколюбие», «добронравие», «попечение о благе общем». Тексты некоторых ее законодательных актов выливаются в настоящие проповеди христианской морали. Вот что говорится, например, в «Уставе благочиния или полицейском», изданном 8 апреля 1782 года «для споспешества доброму порядку» и «удобнейшаго исполнения законов»²: «Не чини ближнему, чего сам терпеть не хочешь», «не токмо ближнему не твори лиха, но твори ему добро, колико можешь», «в добром помогите друг другу, веди слепаго, дай кровлю неимеющему, напой жаждущаго», «блажен, кто и скот милует, буде скотина и злодея твоего спотыкнется, подыми ее», «с пути сошедшему указывай путь»³. Как ни удивительно, но такого рода наказ Екатерина давала административному органу под названием «управа благочиния или полицейская», состоявшему из городничего, пристава уголовных дел, пристава гражданских дел и двух ратманов (членов городского совета).

Одним из главнейших средств упрочения правопорядка в русском обществе Екатерина II считала воспитание в людях добрых нравов. По ее мнению, законы не должны вызывать у людей страха, в таком своем качестве они мало принесут пользы. В письме к Вольтеру от 14 июля 1769 года российская императрица отмечала: «Наши законы продолжают идти своим порядком; над ними трудятся понемногу» и далее с гордостью утверждала: «Эти законы будут сохранять терпимость; они не будут никого гнать, умерщвлять и сжигать»⁴. Указанным письмом Екатерина стремилась создать у

¹ Законодательство Екатерины II. Том 1. М., 2000. С. 227—228.

² Устав благочиния или полицейской // Законодательство Екатерины II. Том 1. С. 557.

³ Там же. С. 563.

⁴ Переписка Екатерины Великия с Господином Вольтером. Перевел Александр Подлисицкий. Часть первая. М., 1803. С. 56.

авторитетнейшего для всей Европы философа и писателя благостное представление о своей империи¹, однако приведенные слова императрицы о будущих русских законах не были обманом. Ее законодательство действительно оказалось проникнутым началами терпимости и гуманизма.

В статье 12 «Генерал-Прокурорского Наказа при Комиссии о составлении проекта нового Уложения, по которому и Маршалу поступать» Екатерина писала: «Одним словом, вся Наука законов состоит в обращении людей к добру, в препятствовании и уменьшении зла и в отвращении той беспечности, коя последует во всем правительстве от привычки и нерадения»².

На Руси во все времена видели в законе выражение совести или, как говаривали в древности — правды. Екатерина II вполне усвоила этот традиционный русский взгляд на закон. Законодательство западноевропейских стран, в котором все подробно, до мельчайших деталей регламентировалось, вызывало у нее отрицательные чувства³. В представлении Екатерины II закон являлся не только способом регламентации поведения людей, не только карой, но и милостью, средством воспитания в душах подданных добрых ка-

¹ Так, Екатерина писала о жизни своих подданных: «Впрочем, налоги у нас так умерены, что в России нет ни одного крестьянина, которой бы не ел курицы, когда ему захочется, и что с некоторого времени в иных провинциях предпочитают курицам петухов Индейских». (Переписка Екатерины... С. 56.)

² Генерал-Прокурорский Наказ при Комиссии о составлении проекта нового Уложения, по которому и Маршалу поступать // Наказ императрицы Екатерины II, данный комиссии о сочинении проекта нового уложения / Под ред. Н. Д. Чечулина. СПб., 1907. С. 171.

³ К. Валишевский приводит в своей книге о Екатерине II высказывание Ее Величества о датских законах: «Все здесь предвидено; следовательно, никто сам не мыслит, и все действуют, как бараны. Я предпочла бы бросить в огонь все, что, по вашему выражению, я перевернула вверх дном, нежели создавать прекрасные законы, которые порождают отвратительную породу пошлых и глупых баранов». (*Валишевский К.* Роман императрицы. Екатерина II, императрица Всероссийская. СПб., 1908. С. 336—337.) При этом польский историк ссылается на письмо императрицы Екатерины II к барону Гримму от 18 апреля 1779 г., опубликованное, как он указывает, в томе 23 «Сборника Русского Исторического общества». Я просмотрел данный том, но не нашел в нем письма Екатерины II с указанной датой. Однако о том, что Екатерина действительно была знакома с датскими законами, свидетельствует ее письмо к Гримму от 25 сентября 1779 г., а точнее, абзац, начинающийся со слов «Tenez, les lois danoises n' ont desséché le cerveau...». См.: Сборник ИРИО. Том 23. СПб., 1878. С. 160. (Письма Екатерины II публикуются здесь на том языке, на котором писались, то есть на французском.)

честв. «И так со стороны поставляем милосердие за основание законов и открываем дорогу к достижению правосудия; со стороны же любезных подданных наших ожидаем благодарности и послушания: чрез что сохранится благоденствие, тишина и спокойство государственное», — заявляла императрица в Манифесте от 14 декабря 1766 года.

Примечателен в этом смысле и следующий текст статьи V «Наставления губернаторам» от 21 апреля 1764 года: «Хотя о душевредном лихоимстве и гнусных взятках многими строжайшими указами обнародовано, и МЫ особливо ныне надеемся, что все НАШИ верноподданные, чувствуя матеренское НАШЕ определением достаточного им жалованья милосердие, не прикоснутся к толь мерскому лакомству, прелестному только для одних подлых и ненасытным сребролюбием помраченных душ».

Правление Петра III, унижавшее и оскорблявшее русское национальное достоинство, способствовало обострению у русских людей чувства патриотизма. Именно поэтому, вступая на российский престол, императрица Екатерина громко заявляла о своей любви к русскому народу, приверженности к русскому государству, которое она величала не иначе, как «любезным нашим отечеством». Но было бы несправедливым видеть в этой демонстрации Екатериной своих патриотических чувств только стремление угодить настроениям, господствовавшим в тогдашнем русском обществе. Безусловно, желание угодить русским было в ней предельно сильным и определяло многие ее поступки. Однако приверженность этой немки ко всему русскому — к русским людям, русской культуре, русской истории — являлась искренней¹: *Екатерина была достаточно умна и развита душою, чтобы полюбить Россию по-настоящему и навсегда!*

¹ Одним из свидетельств этой искренности служит то, что Екатерина II всегда с гневом реагировала на отрицательные отзывы о России и русских со стороны иностранцев. В сентябре 1763 г. вице-канцлер А. М. Голицын получил от русского посланника в Лондоне графа А. Р. Воронцова два письма, в которых сообщалось, что в какой-то лондонской газете появилась серия публикаций, направленных против России. Голицын доложил об этих сообщениях из Лондона российской императрице. В ответ Екатерина начертала для посланника Голицына следующую резолюцию: «На сие три способа есть: 1) Зазвать автора куда способно и поколотить его, 2) или деньгами унимать писать, 3) или уничтожить, 4) или писать в защищение, а у двора, кажется, делать нечего. И тако из сего имеете выбирать что вам приличнее кажется, а сие пишется к вице-канц.»

Об этой своей любви к чужой стране, ставшей для нее родной, Екатерина II заявляла и в текстах законов. Ее указы и манифесты пронизаны патриотизмом, уважением к русским традициям, к русской истории, гордостью за русский народ, выдержавший самые страшные испытания, какие только могут выпасть на долю какого-либо народа. «Знающим древнюю историю НАШЕГО Отечества довольно известно, что воинство российское, когда еще и просвещение регул военных ему не поспешествовало, войска мужественного имя носило: но видевшим века НАШЕГО настояция уже времена, когда к храбрости его природной дисциплина военная присоединилася, доказательно и неоспоримо, что оружие российское там только славы себе не приобретает, где руки своей не подьемлет» — такими словами начинается Манифест о военной дисциплине от 22 сентября 1762 года. В «Грамоте на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства», утвержденной 21 апреля 1785 года, Екатерина II заявляла: «И сим образом в истинной славе и величестве империи вкушаем плоды и познаем следствия действия нам подвластного, послушнаго, храбраго, неустрашимаго, предприимчиваго и сильнаго российского народа».

Закон был для императрицы Екатерины II прежде всего эффективным инструментом государственного управления. «Наше же утешение и облегчение великаго бремени управления государственнаго будет то, чтобы видеть нам законы в своей силе и почтении, а правосудие в действии»¹, — заявляла она в своем «Манифесте к сочинению проекта нового Уложения», данном 14 декабря 1766 года. Вместе с тем Екатерина II рассматривала закон в качестве формы выражения идей, которые она желала внушить своим подданным. «Снисходительность, примиряющий дух властителя, — писала она в одной из своих заметок, — сделали бы больше, нежели тысячи законов, а политическая свобода одушевила бы все. *Часто лучше внушать преобразования, нежели предписывать*»². Многие законодательные акты, вышедшие из-под руки этой императрицы, представляли собой не только правовые, но также настоящие идеологические, программные документы.

Таким документом являлся, например, «Обстоятельный Манифест о возшествии Ея Императорскаго Величества на Всероссий-

¹ Законодательство Екатерины II. Том 1. М., 2000. С. 155.

² Мысли, замечания имп. Екатерины. Анекдоты // Записки императрицы Екатерины Второй. С. 640.

ский Престол» от 6 июля 1762 года¹, написанный собственноручно Екатериной II. Императрица изложила в нем причины, побудившие ее взять в свои руки самодержавную власть и отстранить от императорского престола Петра III, и одновременно с этим провозгласила цели и задачи своего правления, а также принципы, которым намеревалась следовать при осуществлении верховной государственной власти. Екатерина II заявляла, в частности, о том, что не оставит просить Бога «денно и ночью» помочь ей поднять скипетр самодержавия «в соблюдение нашего православного закона, в укрепление и защищение любезного отечества, в сохранение правосудия, в искоренение зла и всяких неправд и утеснений»². Возвещая о своем искреннем и нелицемерном желании доказать прямым делом, сколь хочет она быть достойной любви русского народа, для которого она взошла на престол, императрица давала наиторжественнейшее обещание «узаконить такия государственныя установления, по которым бы правительство любезного нашего отечества в своей силе и принадлежащих границах течение свое имело так, чтоб и в потомки каждое государственное место имело свои пределы и законы к соблюдению добраго во всем порядка»³. Посредством этих узаконений Екатерина надеялась, как она признавалась, сохранить единство Российской империи и самодержавной власти, несколько ниспроверженной правлением Петра III, «а прямых верноусердствующих своему отечеству вывести из уныния и оскорбления»⁴.

В тексты многих своих законов Екатерина II включала возвышенные сентенции о своем стремлении к народному счастью, к благоденствию подданных, к законности при осуществлении управления. «И понеже наше первое желание есть видети наш народ столь счастливым и довольным, сколь далеко человеческое счастье и довольствие может на сей земле простираться...», — заявляла императрица в Манифесте от 14 декабря 1766 года. «Всегдашняя НАШИ и неусыпныя попечения в изобретании средств к приращению благоденствия подданным НАШИМ и к приведению всей НАШЕЙ империи в желанное благосостояние открыли НАМ между прочим и сию неоспоримую истинну, что все целое не может быть отнюдь

¹ Законодательство Екатерины II. Том I. С. 64—69.

² Там же. С. 69.

³ Там же.

⁴ Там же.

совершенно, естли части его в непорядке и неустройстве пребудут» — так начинала Екатерина свое «Наставление губернаторам» от 21 апреля 1764 года.

В статье IV данного наставления говорилось о необходимости соблюдения законности: «Губернатор недремлющим оком в губернии своей взирает на то, чтоб все и каждой по званию своему исполнял с возможным радением свою должность, содержа в ненарушимом сохранении указы и узаконения НАШИ, чтоб правосудие и истинна во всех судебных подчиненных ему местах обитали, и чтоб ни знатность вельмож, ни сила богатых, совести и правды не могла помрачить, а бедность вдов и сирот, тшетно проливая слезы, в делах справедливых утеснена не была...» В этих словах «Наставления губернаторам» выражалась идея равенства всех перед законом, законность связывалась с поддержанием нравственности в русском обществе.

Характеру Екатерининских законов вполне соответствовал и их стиль. Как известно, в Западной Европе содержание правовых установлений выражалось специальным юридическим языком, понятным лишь лицам, изучавшим право. Чаще всего это была латынь, недоступная для понимания основной массе населения. В России же язык права не был узкоспециальным, а по существу совпадал с обыденным, народным языком. С. Е. Десницкий в своей речи «Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции» отмечал, что «в России на природном языке все во всенародное известие издаваемо было и в российских указах не было никогда таких трудных и невразумительных слов, какие примечаются в законах феодальных правлений»¹.

Иначе говоря, в России законы излагались на том же самом языке, на котором писались письма или какие-либо литературные произведения. Памятники русского права — это одновременно памятники русской литературы.

Тексты законодательных актов, изданных Екатериной II, дают дополнительное основание для такой оценки русского законодательства. Их чтение доставляет такое же эстетическое наслаждение, как чтение высокохудожественного литературного творения. Составляя тот или иной нормативный акт, российская императрица не просто формулировала правовую норму, но часто одновременно

¹ Юридические произведения прогрессивных русских мыслителей: вторая половина XVIII в. М., 1959. С. 162—163.

выражала свою нравственную позицию. Поэтому тексты законов, выходявшие из-под руки Ее Величества, были наполнены возвышенными сентенциями. Екатерина II старалась не употреблять в своих указах бранных слов и запрещала это делать тем, кто составлял указы от ее имени. «Александр Иванович! — обращалась она к генерал-прокурору А. И. Глебову в именном указе от 29 июля 1763 года. — Присланною ко мне челобитною дворянин Прокофей Демидов просил меня, объявляя, что Берг-коллегия в данном ему указе, которой он подлинной при челобитной приложил, напрасное бранными словами зделала ему поношение, называя его душевредником и непримиримую злобу имеющим человеком. Сие подлинно неприлично, чтоб при титуле моем и моим указом кого-нибудь бранить. Буде он виноват, то надлежит его осудить силою закона, и безбранно повелеть учинить указанное исполнение. Рассмотрите вы в Сенате, правильно ли дело его в той коллегии решено, а за неприличную брань, ему в сатисфакцию, зделайте Берг-коллегии выговор, повелев возвратить все разосланные в поношение ему указы. Сверх того во все судебные в государстве места указами из Сената подтвердите, чтоб отнюдь в указах и повелениях никогда брани и слов поносимых употребляемо не было»¹.

* * *

Мысли западноевропейских просветителей о назначении и сущности законов, о способах борьбы с правонарушениями носили во многом сугубо умозрительный характер. На самом деле, строгое следование букве закона часто столь же вредно для общества, как и пренебрежение этой буквой. Законы, безусловно, должны воспитывать в людях добронравие, но прежде всего они должны исполняться.

Российская императрица вполне сознавала все это. Однако умозрительные идеи Ш. Монтескье, Ч. Беккариа, Д. Дидро, принятые Екатериной II и преподнесенные ею русскому обществу в качестве программы своей государственной деятельности, имели в ее глазах одно положительное свойство — *они в целом являли собой некий идеал, о котором можно было долго говорить, к которому можно было стремиться всю жизнь и при этом совершенно не заботиться о его осуществлении.*

¹ Законодательство Екатерины II. Том 1. С. 219—220.

Придавая своим законам воспитательную функцию, Екатерина II могла считать свою законодательную деятельность успешной даже в том случае, если изданные ею законы не исполнялись российскими чиновниками. Кто не знает, что воспитание — очень длительный процесс, результат которого весьма отдален во времени даже в том случае, если воспитывается отдельный индивид. Но если воспитанию подвергается целое общество, то очевидно, что результаты его появятся только в следующих поколениях — столетия спустя.

При таких воззрениях на закон и законность, каковые носила в себе Екатерина II, она, издав множество различных законодательных актов, вполне могла считать свою миссию российской императрицы выполненной. При этом действительное состояние дел во вверенной ей империи в части, касающейся правопорядка, было довольно плачевным — правопорядок в русском обществе не стал прочнее за время правления Екатерины II. Однако в любом и самом плохом явлении всегда нетрудно обнаружить что-нибудь хорошее и как-то им утешиться. *«Меня обворовывают так же, как и других, — грустно признавалась императрица в одном из своих писем и тут же добавляла с оптимизмом: — но это хороший знак и показывает, что есть что воровать».*